

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2025-70-1-85-91

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

С.С. ОЛЕСЬКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуется понятие конституционных ценностей. С учётом анализа положений правовой доктрины, отечественного и зарубежного законодательства, позиций органов конституционного правосудия определяются основные подходы к пониманию правовой природы ценностей такого рода. Отмечается, что природа конституционных ценностей состоит в их отражении в конституции и конституционных законах. Изучаются признаки исследуемого феномена. Обосновывается вывод о возможности рассматривать конституционные ценности новым институтом конституционного права. Предлагается легальное закрепление исследуемого понятия.

Ключевые слова: конституционная аксиология, конституционные ценности, конституция.

Введение. Рассмотрение вопросов, связанных с конституционными ценностями, представляется оправданным начать с уяснения этого правового явления. По мнению Н. Лумана, юристам необходимо больше внимания уделять собственным ценностям и категориям, принимая во внимание, что в регулировании основных индивидуальных и универсальных ориентаций и интересов центральное место отводится конституции [1]. В условиях воплощения в жизнь целей, провозглашённых в конституции, особое значение получает формирование единообразного подхода к пониманию конституционных ценностей.

В настоящее время легальное определение термина «конституционные ценности» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. В Конституции Республики Беларусь слово «ценность» содержится в преамбуле, разделе I «Основы конституционного строя» и разделе II «Личность, Общество, Государство» (ч. 1 ст. 2, ч. 2 ст. 42, ч. 6 ст. 45, ч. 1 ст. 51, ч. 1 ст. 54). Однако конституционные ценности не сводятся только к тем, которые прямо названы в тексте конституции, что, в свою очередь, формирует проблему понятия конституционных ценностей.

Основная часть. Исторически для Беларуси ценности всегда выполняли роль ключевых ориентиров развития государственности. Об этом, в частности, свидетельствуют отдельные положения преамбулы Основного Закона Беларуси: «Мы, народ <...>, исходя из ответственности за настоящее и будущее <...> подтверждая свою приверженность общечеловеческим ценностям, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение, сохранение национальной самобытности и суверенитета, опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, культурные и духовные традиции, <...> принимаем настоящую Конституцию». Эти положения отражают историческое развитие и преемственность системы ценностей. Ценностным значением обладает большинство благ, охраняемых конституцией. Поэтому, полагаем, что более глубокое и комплексное исследование понятия конституционных ценностей становится возможным лишь при изучении правовой природы, признаков и свойств таких ценностей.

Ценность является универсальной и многомерной категорией, которая охватывает все сферы и уровни жизнедеятельности субъектов общественных отношений и выступает для них индикатором, определяющим характер отношений между ними. Как поясняет М.С. Балаянц, ценность как категория, опосредованная философским, социологическим и правовым аспектами, выражается в интересах личности, общества и государства, их ориентациях и предпочтениях, в силу которых они строят друг с другом соответствующие взаимоотношения [2]. При этом О.В. Мартышин уточняет, что все ценности связаны с познавательной, творческой и практической деятельностью указанных субъектов, в результате которой рождаются их волевые решения, строится их правомерное и неправомерное поведение [3, с. 5]. Тем не менее, с точки зрения А. Шайо, «соотношение между социальными ценностями и конституцией представляет серьезную методологическую проблему» [4, с. 4], и вот почему. Использование дефиниции «конституционные ценности» не свойственно юридической науке, однако закрепление данной категории в конституции свидетельствует о необходимости её исследования [5, с. 13–14].

Акцентируем особое внимание на существующей в современной доктрине конституционного права дискуссии вокруг категорий «конституционные ценности». Среди российских ученых, занимающихся исследованиями в области конституционной аксиологической проблематики, отметим Г.Г. Арутюняна, В.Д. Зорькина, Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, А.С. Автономову, Г.А. Богданову, М.В. Баглая, Ю.А. Рудт, Т.Г. Морщакову, Б.С. Эбзеева, Н.А. Гаджиева, Т.Я. Хабриеву, Е.В. Ереклинецву, В.О. Лучина, В.Е. Чиркина, Д.Г. Шустрова, А.А. Кондрашева, В.С. Авакьяна, В.И. Кресса и пр. В белорусской науке вопросы, связанные с конституционными ценностями, рассматривались в работах Г.А. Василевича, Т.С. Масловской, Л.О. Мурашко, А.Н. Пугачёва, А.Г. Тиковенко, С.П. Чигринова, П.П. Миклашевича, И.И. Пляхимовича и др.

Анализ позиций указанных учёных позволяет обнаружить некоторые точки соприкосновения в понимании категории «конституционные ценности». Исследователи сходятся во мнении, что главным признаком, отличающим конституционные ценности от всех остальных, является их отражение в таком базовом источнике права, как конституция (основной закон) [6]. Однако, на наш взгляд, «границы», в которых существуют конституционные ценности, не должны сводиться только к конституции.

Парадигма понимания конституции как конституционной ценности нашла подтверждение в юридической практике. Так, из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2003 № 13-П усматривается, что конституция представляет собой конституирующий акт абсолютного учредительного характера в отношении всей правовой системы, включая регионы, конституции (уставы) которых по названной причине обладают относительным учредительным характером, применительно к пониманию правовой системы. А.С. Автономов подчеркивает, что особое значение Конституции Российской Федерации состоит в её верховенстве и прямом действии, уточняя, что ценность имеют как писанные, так и неписанные конституции [7; 8]. Как ценность конституцию рассматривал и В.Е. Чиркин, отмечая, что она «сыграла огромную роль в обеспечении сначала зыбкой, но затем укрепляющейся стабильности в обществе» [8], а в новых условиях продолжает выполнять свою стабилизирующую функцию.

Однако с указанной точкой зрения солидарны не все. По мнению А.А. Кондрашева, конституция является собой инструмент или же средство эволюционного развития социума, своего рода предпосылку «для применения и фиксации конституционных ценностей в праве» [9]. Данная позиция поддержана Г.Г. Арутюняном, в понимании которого конституция выступает непосредственным «результатом общественного согласия вокруг основополагающих ценностей социального поведения государства и гражданина» [10], а потому становится воплощением конституционных ценностей. В.И. Крусс добавляет, что некоторые конституционные ценности должны признаваться даже без соответствующего правового оформления, объясняя это геополитическими, географическими, экономическими, культурологическими и прочими предпосылками и обстоятельствами [11, с. 191].

Главная причина отсутствия единства мнений по данному поводу заключается в различном понимании сущности конституции: как документа, учредившего определённый общественный и государственный строй; как идеи и решения «самоограниченного государства» [12] – часть конституционализма. Согласно первому подходу, конституция рассматривается неким инструментом, и в этом случае её нормы лишь оформляют ценности, а не сводятся к ним [13]. Суть второго подхода состоит в том, что конституция, с точки зрения идеала демократического правового государства, может признаваться особой ценностью. Однако в данном случае речь, по-видимому, идёт лишь о реальной (соответствующей действительности) и исторической (переходного периода: Основной Закон ФРГ 1949 года, Закон Албании об основных конституционных положениях 1991 года, Конституция Республики Польша 1997 года и др. [14, с. 282–283]) конституциях.

В современных исследованиях выражена и третья точка зрения, согласно которой ценностью обладает как сама конституция, так и её отдельные нормы. Так, Д.Г. Шустров пишет: «практически с каждой конституционной нормой <...>, каждым правом или свободой, содержащимися в конституции, корреспондирует конкретная ценность» [15]. При этом ценностью обладают и те ценности, которые выведены в результате интерпретации конституционного текста. Полагаем, речь должна идти исключительно об официальном (аутентичном или уполномоченном) нормативном толковании, иначе такие ценности не приобретали бы общеобязательного характера.

Понимание конституционного текста в ключе подвижной материи и его использование конституционным (уставным) судом в качестве «живого» инструмента обусловлено прежде всего стремлением к обеспечению особой конституционной защиты благ личности, общества и государства. В этом заключается идея «живого конституционализма», возникшая в США и в дальнейшем воспринятая в Европе. Возникновение данной идеи связано с именем известного правоведа, члена Верховного Суда США О.У. Холмса. В прагматических целях О.У. Холмс предложил эволюционный путь развития конституции, в основе которого заложен принцип расширения практики судебного трактования конституционного текста, а не внесения в него корректив [16]. Данная идея воспринята в Российской Федерации, где Конституционный Суд по этой причине давно прозвали «генератором оживления конституционного текста» [17; 18]. Рассматриваемый подход зиждется на представлениях о возможности вычленения нетекстуальных конституционных ценностей и их особой защиты. По утверждению Н.С. Бондаря, ценностью обладают, во-первых, сама конституция, во-вторых, ценности, отражённые в ней, и, в-третьих, ценности, пусть явно и не выраженные в её тексте, однако обнаруженные органом конституционной юстиции [19].

При этом отметим, что в российской конституционной науке заметно доминирует утилитаристское понимание конституционных ценностей. Так, В.Н. Витрук поясняет, что исследуемая нами категория раскрывает необходимость и положительную значимость объекта для конкретного субъекта [20]. Из этого следует, что представления российских учёных пересекаются с западными идеями о полезности, выгоде и прибыли общества от определенного поведения субъектов. В.Е. Чиркин, пытаясь проиллюстрировать особую значимость конституционных ценностей, доказывал существование не только прямо закреплённых ценностей, но и не нашедших непосредственного отражения в конституционном тексте, но ясно вытекающих из менталитета [21]. В целом верна позиция данного автора о том, что предусмотреть исчерпывающий перечень конституционных ценностей невозможно, и в этом нет необходимости. Однако, на наш взгляд, такое понимание конституционных ценностей приводит к размытию их пределов, а следовательно, формализованности, прежде всего в юридической практике, избегающей понятий общего характера. Поэтому необходимо предельно осторожно относиться к определению в разряд конституционных ценностей всего, что выявлено при доктринальном толковании конституции, до признания таковыми в практике органов конституционного правосудия [22]. Ю.А. Рудт в целях решения данной проблемы предлагает четко разграничивать категории «ценности конституции», прямо в ней указанные, и «конституционные ценности», которые могут выявляться и признаваться [26, с. 31]. В противном случае возникает

риск столкнуться с ситуацией, когда утрачиваются такие важнейшие характеристики конституционных ценностей, как их официальность и обязательность. Исследователи же могут способствовать выявлению этих ценностей путём разработки методологической базы для толкования конституционного текста [23].

Обратим внимание и на недостатки теории «преобразования» действующей конституции [24; 25]. Суть данной теории состоит в том, что конституционные нормы по тем или иным соображениям как можно дольше сохраняются в неизменном виде и приспособляются к новым реалиям через текущие нормативные акты и политическую практику. В этом и заключается суть проблемы, поскольку таким же «удобным» путем обеспечивается реализация конституционных ценностей, а, возможно, создается лишь видимость этого. Практике известны такие случаи, например, Конституция Ирака 1970 года, действовавшая вплоть до момента свержения в 2004 г. режима С. Хусейна (существовал около 34 лет). Под видом важного документа за формально действующей Конституцией, ставшей по большей мере фиктивной, скрывалась тщетная попытка сохранить нежизнеспособные ценности.

С позиции социальных принципов, не только формализованных конституцией, но и выявленных органом конституционной юстиции, понятие конституционных ценностей было обосновано Е.В. Ереклинцевым. По его мнению, конституционные ценности нацелены на обеспечение оптимального развития одновременно личности, общества и государства на основе принципа справедливости [27]. На это указывает то, что государство в лице его органов и должностных лиц приняло на себя обязательство воплотить в жизнь указанные ценности и применять конституционно-правовую ответственность за его неисполнение. Представляется, что тем самым подчёркивается особое значение конституционных ценностей. Вместе с тем посредством актов текущего законодательства содержание конституционных ценностей может обновляться [5, с. 13–14]. В то же время, отмечается, например, Н.А. Бобровым, одним из негативных результатов радикализма частноправового подхода следует признавать акцент на частные институты как правовую монополию регулирования отношений [28]. В развитие указанного мнения В.Д. Мазаев дополняет, что следствием отрицательного результата радикализма стало отсутствие надлежащего конституционно-правового регулирования общественной формы собственности, её места и природы в экономической системе наряду с частной собственностью, отрицание взаимосвязи общественных форм собственности и экономической основы власти народа, нации, государства и публичных образований, что заметно снижает потенциал таких конституционных ценностей, как реальный демократизм, самостоятельность народа и его полновластие [29, с. 7].

В правовой литературе отмечается, что конституционные ценности необходимо рассматривать с точки зрения основополагающих и предельно обобщенных принципов (целей, установок), которые положены в фундамент государственности [30, с. 13]. На наш взгляд, к конституционным ценностям применима характеристика высших идеалов и первопринципов, благ практического порядка. В частности, применительно к Конституции Республики Беларусь, ценностно-идентифицирующим значением обладают, в основном, положения преамбулы и разделов I и II, а последующие – за редким исключением (например, ч. 1 ст. 79, согласно которой Президент является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина). С учётом того, что конституционные ценности составляют основу государственности, рассматривать их в качестве умозрительных абстрактных конструкций, которые не имеют связи с реальным процессом её становления и вытекающими из этого политико-правовыми явлениями, недопустимо [31, с. 21]. Развивая мысль о значении конституционных ценностей, Е.А. Тихон делает важное уточнение, поясняя, что сущность государственно-правовой стратегии, направленной на достижение глобальных и долгосрочных целей и ценностей, главными из которых признаются права и свободы человека и гражданина, заключается: во-первых, в решении всех ключевых вопросов в сфере теории и практики развития государственности, во-вторых, в совершенствовании деятельности органов государственной власти, и, в-третьих, в эффективной реализации правового статуса личности, в том числе в области правового обеспечения прав и свобод человека и гражданина [32, с. 10–11]. Официальное признание конституционных ценностей социальными приоритетами априори возводит их в разряд институтов, реализуемых в практической деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц. Государственно-правовая стратегия становится важнейшим механизмом в обеспечении реализации конституционных ценностей, который приводится в действие целым рядом субъектов, включая президента, парламент, правительство, общие и специализированные (конституционные, экономические, административные и др.) суды, прокуратуру и пр. При этом важнейшим субъектом является глава государства, поскольку его программы способствуют надлежащей реализации государственно-правовой стратегии и отражают стратегически важные направления государственной политики в области прав и свобод человека.

При рассмотрении категории «конституционные ценности», В.А. Четвернин ссылается на ч. 3 ст. 55 российской Конституции, поскольку в ней перечислены объекты конституционной защиты: нравственность, здоровье, права и законные интересы людей, основы конституционного строя, а также обороноспособность и безопасность государства, признавая их конституционными ценностями [30, с. 21]. Тем самым данный ученый сужает круг таких ценностей, сводя их исключительно к тем, которые указаны в перечне. С точки зрения специфики толкования конституционного текста, такой подход неприемлем ввиду того, что характер изложения формулировок любой конституции основан на принципе перспективного применения её положений, при котором она не подвергается поправкам на протяжении относительно продолжительного периода времени, независимо от изменений общественно-государственной жизни. К тому же с течением времени возникают «новые» ценности, существующие трансформируются, а «старые» исчезают. Следовательно, исчерпывающим образом указать все конституционные ценности невозможно.

Интересный подход к интерпретации конституционных ценностей отражен в Послании Конституционного Суда Республики Казахстан от 9 июня 2017 г. № 09-2/5, в котором отмечается, что «важнейшие конституционные ценности представляют собой свод национальных интересов и конституционного патриотизма». На наш взгляд, это не характеристика рассматриваемого правового явления, а указание конкретных разновидностей конституционных ценностей.

Оправданной является позиция Ю.А. Рудт, которая определила конституционные ценности как «совокупность признаваемых и особо защищаемых коллективных целей (идей, идеалов, принципов), закрепленных в конституционном тексте либо выявленных в результате конституционного толкования органами конституционного правосудия» [26]. Указанным автором обоснованно отмечается, что ценности могут не только закрепляться в конституции, но и выявляться в процессе её интерпретации. Однако, на наш взгляд, конституционные ценности могут быть закреплены не только в конституции, но и так называемых «конституционных законах». В данном случае, по-видимому, необходимо вести речь только о тех законах, которые по своей сути могут содержать конституционные ценности. Например, согласно ч. 4 ст. 10 Конституции, «приобретение и прекращение гражданства осуществляются в соответствии с законом». Таким законом является Закон Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве», который закрепляет не только порядок реализации такого института конституционного права, как гражданство, но также определяет его важнейшие принципы: право на гражданство, его равенство и добровольность, недопустимость лишения гражданства или права на его изменение, учет наилучших интересов детей, избегание безгражданства. Представляется, что подобные принципы также содержат конституционные ценности, что подтверждается государственной политикой в данной сфере. С таким подходом соглашается и белорусский конституционалист А.Н. Пугачев, отмечая, что «в ряде стран один из главных источников конституционного права» [33, с. 192] – это конституционный закон, который, как правило, принимается в специальном (усложненном) порядке. В подтверждение автор указывает, что в отдельных странах к конституционным законам относят законы, составляющие в совокупности конституцию государства (например, в Швеции – Акт о престолонаследии 1810 г., Форма правления 1974 г., Акт о свободе печати 1949 г. [32, с. 192]).

Позиция белорусских исследователей в понимании конституционных ценностей принципиально не отличается от позиции российских коллег. Так, судьей Конституционного Суда Республики Беларусь А.Г. Тиковенко конституционные ценности толкуются как «основополагающие (базовые) предельно обобщенные начала (цели, общие принципы) <...> выполняющие роль правообразующего ориентира» [34, с. 16], то есть в аспекте творчества. Значительного отличия не имеет трактовка Т.С. Масловской, рассматривающей конституционные ценности как «фундаментальные, обобщенные, стратегические приоритеты (цели, принципы) развития общества и государства» [35, с. 37]. Указанный автор справедливо акцентирует внимание на том, что ориентиры приоритетного развития представляют собой такие идеалы, к которым общество и государство стремится на определенной ступени своего развития. Однако в данном случае выпускается из виду немаловажный аспект, заключающийся в том, что конституционные ценности – это приоритет развития не только общества и государства, но и личности, что следует из конституции. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 2 Основного Закона Беларуси, государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Из изложенного вытекает, что государство должно воплощать в жизнь конституционные ценности для развития личности. При этом личность напрямую заинтересована в исполнении государством своего обязательства, вследствие чего конституционные ценности для неё находятся в приоритете. При этом смешение категорий «установки», «цели», «принципы» и другие недопустимо, поскольку ведет к утрате их правовой сути как норм-целей, -принципов, -дефиниций, -деклараций и т.п. Например, в ч. 1 ст. 1 Конституции определено, что Республика Беларусь – демократическое социальное правовое государство. Указанные признаки лишь описывают эталон, к которому надлежит постоянно стремиться как к конституционной ценности. Таким образом, можно утверждать о существовании так называемых перспективных конституционных ценностей как отдельно их вида.

А.Н. Пугачев рассматривал конституционные ценности в контексте исследования конституционных принципов и конституционного строя, понимая их в качестве закрепленных в Основном Законе основополагающих начал и постулатов, на которых построена система прав человека, обеспеченных при этом особыми государственными мерами охраны и защиты; наиболее значимых принципов организации государства, таких как демократический режим, народовластие, разделение властей, государственный суверенитет и др. [33, с. 191–193]. Ученый выделил важнейший критерий конституционных ценностей – обеспечение их реализации государственными мерами охраны и защиты. Несомненно, что «любые законодательные акты не могут покушаться на эти базовые ценности, в противном случае они должны считаться неправовыми и не могут порождать юридических обязанностей для граждан» [14, с. 183].

Отсутствие в юридической науке единых методологических подходов к пониманию явления конституционных ценностей и существующие в связи с этим разночтения осложнены практикой различного употребления данной категории в работе органов конституционной юстиции. Например, в актах конституционных судов Российской Федерации и Республики Беларусь для обозначения таких ценностей часто используют формулировки «конституционно значимые ценности» и «конституционно защищаемые ценности». В ряде актов используется одновременно несколько вариантов обозначения конституционных ценностей. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П конституционные ценности обозначены сразу пятью словосочетаниями: «конституционные ценности», «конституционно значимые ценности», «конституционно-защищаемые ценности», «конституционно охраняемые ценности» и «конституционно-признаваемые ценности».

Вариативность указывает на отсутствие в юридической практике единого подхода к обозначению конституционных ценностей, что создаёт условия для формализованного использования исследуемой категории. Это в очередной раз подтверждает важность выработки единых подходов к пониманию конституционных ценностей. Несмотря на наличие различных вариантов обозначения конституционных ценностей, фактического различия в их сути не имеется. Это следует из использования «приставочных» слов «признаваемые», «охраняемые», «защищаемые», «значимые» и т.п., присоединение которых не меняет сути понятия, а подчеркивает роль конституционных ценностей как важнейшего социально-правового явления.

Представляется, что на современном этапе развития юридической науки и практики можно вести речь о формировании нового института конституционного права – **института конституционных ценностей**.

Понятие «конституционные ценности» нельзя отождествлять с понятием «интерес», отражающим общие коллективные цели и устремления демократического большинства. Так, выдвигая тезис о предельной полезности конституционных ценностей с позиции абсолютно или относительно определённого большинства, приходим к умозаключению, что они априори пересекаются с интересами меньшинства, – это некая презумпция. Ориентация на коллективные цели при возникновении коллизии интересов позволяет принять наиболее правильное и безболезненное решение. Аксиома состоит в том, что, в силу своей обязательности, права человека могут (в ряде случаев – должны) быть использованы в целях противостояния позиции большинства. Защита прав меньшинств в случае их столкновения с иными ценностями оправдана тогда, когда более общие конституционные ценности в результате этого стратегически «выигрывают». Социальные группы динамичны, поэтому те из них, которые недавно считались меньшинством, в обозримом будущем могут стать большинством, и наоборот, в связи с чем управление большинства не должно переходить в подавление меньшинства. В таком порядке конституционные ценности должны иметь определяющее значение при разрешении коллизий, возникающих между конституционными интересами личности, общества, государства в любых сферах правоотношений.

Значение конституционных ценностей как продукта народовластия заключается в их связующей роли относительно нравственных, религиозных и правовых принципов общественно-государственного устройства и развития. Единство ценностей способствует соблюдению баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства. Фиксируя базовые институты конституционного права, они устанавливают оптимальные параметры аксиологического поля всей правовой системы. Считаясь главенствующими, конституционные ценности часто могут испытывать на себе влияние фактов политического характера и в данном случае представляют собой уязвимое явление. Это касается лишь ценностей личности и общества и не затрагивает то, что является ценным для государства, которое аккумулирует политическую волю в своих решениях, выражаемых в праве. Таким образом, состояние не только гармонии, но и враждебности может возникать во взаимоотношениях личности, общества и государства, где данные субъекты лоббируют свои интересы по поводу защиты конституционных ценностей, интересующих каждого из них.

Заключение. На современном этапе общественно-государственного развития большинства стран мира категория «конституционные ценности» занимает центральное место. Это связано с тем, что ценности как символ и атрибут современного демократического правового государства включаются в конституции и потому признаются официально. Несмотря на отсутствие нормативно закреплённого определения термина «конституционные ценности», он нередко используется при изложении текста актов органов конституционного правосудия.

Конституционные ценности можно рассматривать как подсознательно сформированные на историческом и культурном уровнях идеалы и представления об организации и развитии общественно-государственного устройства в виде обобщённых ключевых стратегических приоритетов (идей, принципов, целей), закреплённых как вектор конституционного развития на уровне конституции и конституционных законов, а также разъясняемых органом конституционного контроля в целях обеспечения оптимального баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, обеспечивающего их взаимное развитие.

В условиях активного воплощения в жизнь конституционных ценностей важно выработать единые подходы к их пониманию для обеспечения их надлежащей защиты. Должны существовать разумные границы в наименовании правовых ценностей «конституционными». В связи с этим целесообразно закрепить определение понятия «конституционные ценности» в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», изложив его в следующей редакции:

***Конституционные ценности** – идеалы и представления об организации и развитии общественно-государственного устройства, отраженные в конституции и указанных в ней законах, а также разъясняемые органом конституционного контроля в целях обеспечения оптимального баланса конституционно-правовых интересов личности, общества и государства, обеспечивающего их взаимное развитие.*

Легальное закрепление данной дефиниции придаст указанному термину практикоориентированный характер, что будет способствовать единообразному пониманию и использованию в правотворческой и правоприменительной практике.

Правовая природа конституционных ценностей состоит в том, что они могут закрепляться на уровне конституции и конституционных законов, обладающих высшей и более высокой юридической силой соответственно относительно иных документов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. – Suhrkamp, 1995. – 599 p.
2. Балаянц М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2007. – 25 с.
3. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5–14.
4. Шайо А. Конституционные ценности в теории и судебной практике: введение // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 4. – С. 4–6.
5. Снежко О.А. Правовая природа конституционных ценностей современной России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 2. – С. 13–19.
6. Автономов А.С. Конституция как ценность // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 50–58.
7. Автономов А.С. Ценность Конституции // Государство и право. – 2009. – № 3. – С. 5–11.
8. Чиркин В.Е. К вопросу о ценности российской Конституции 1993 г. // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12. – С. 1517–1522.
9. Кондрашев А.А. Конституционные ценности в современном российском государстве: о конфликтах и девальвациях // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 1. – С. 6–13.
10. Арутюнян Г.Г. Конституционализм как фундаментальный принцип права в правовом государстве // Конституционное правосудие. – 2012. – № 1. – С. 5–16.
11. Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. – М.: НОРМА, 2007. – 752 с.
12. Шайо А. Самоограничение власти; пер. с венг. – М.: Юрист, 2001. – 292 с. (Краткий курс конституционализма)
13. Таева Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5. – С. 2–5.
14. Пугачёв А.Н. Истоки и первопричины европейского конституционализма. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2017. – 318 с.
15. Шустров Д.Г. *Essentia constitutionis*: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков // Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. – № 4. – С. 78–93.
16. Берлявский Л.Г. Оригиналистская и ноноригиналистская концепции конституционной интерпретации в США // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 101–108.
17. Бондарь Н.С. Социоисторический динамизм Конституции – без переписывания конституционного текста // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 22–34.
18. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм: постановка проблемы в контексте роли Конституционного Суда в утверждении «живого» российского конституционализма // Lex Russica. – 2009. – № 2. – С. 322–343.
19. Бондарь Н.С. Конституционные ценности – категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 6. – С. 1–11.
20. Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы междунар. науч.-практ. конф., 4–6 дек. 2008 г.: в 2 т. – Т. 1 / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. – М.: Рос. акад. правосудия, 2010. – С. 9–21.
21. Чиркин В.Е. О базовых ценностях российской конституции // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 18–25.
22. Комарова В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1. – С. 1385–1387.
23. Кравец И.А. Конституционное правосудие. Теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. – М.: Юстицинформ, 2017. – 400 с.
24. Анишкин Е.С. Преобразование Конституции Российской Федерации: сущность и причины // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – № 323. – С. 202–206.
25. Кондрашев А.А. Конституция России: дефекты принятия и содержания. Преобразование, поправки или пересмотр? // Государство и право. – 2016. – № 2. – С. 32–41.
26. Рудт Ю.А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 / Алтай. гос. ун-т. – Омск, 2019. – 33 с.
27. Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Челябин. гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 26 с.
28. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 265 с.
29. Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. – М., 2004. – 384 с.
30. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / А.С. Автономов, Н.С. Бондарь, А.М. Ковалёв и др.; отв. ред. В.А. Четвернин. – М., 1997. – 702 с.
31. Ройzman Г.Б. Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Право. – 2012. – № 1(31). – С. 18–24.
32. Тихон Е.А. Приоритетные национальные проекты как форма государственной стратегии по обеспечению прав человека в России // Социальное и пенсионное право. – 2007. – № 2. – С. 10–11.
33. Пугачёв А.Н. Конституционное право: учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-24 01 02 «Правоведение»: в 3 ч. – Ч. 2: Основы конституционного строя и правового статуса личности: в 2 кн. – Кн. 2: Рекомендации к практическим занятиям / А.Н. Пугачёв, И.В. Вегера. – Новополюк: ПГУ, 2010. – 344 с.
34. Тиковенко А.Г. Конституционные ценности: теория и практика их защиты Конституционным Судом Республики Беларусь // Ценностная парадигма Основного Закона Республики Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / редкол.: Г.А. Василевич и др. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 148 с.
35. Масловская Т.С. Конституционные ценности и их отражение в международном и национальном законодательстве // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь: матер. респ. науч.-практ. конф., 14 марта 2013 г., Минск / редкол.: Г.А. Василевич и др. – Минск, 2013. – С. 37–38.

Поступила 09.09.2024

CONCEPT, SIGNS AND LEGAL NATURE OF CONSTITUTIONAL VALUES

S. ALESKA

(Belarusian State University, Minsk)

The concept of constitutional values is explored. Taking into account the analysis of the provisions of the legal doctrine, domestic and foreign legislation, the positions of the bodies of constitutional justice, the main approaches to understanding the legal nature of values of this kind are determined. It is noted that the nature of constitutional values is their reflection in the constitution and constitutional laws. The signs of the studied phenomenon are studied. The conclusion about the possibility of considering constitutional values as a new institution of constitutional law is substantiated. A legal consolidation of the concept under study is proposed.

Keywords: constitutional axiology, constitutional values, constitution.